

myFiveFrancs

ТИК•ТАК

myFiveFrancs

Тик-так

2021

УДК 82-3
ББК 84-4
М99

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

myFiveFrancs

М99 Тик-так / myFiveFrancs. — [б. м.] : [б. и.], 2021. — 34 с.
[б. н.]

«Тик-так» — это психологический рассказ, где повествуется о жизни и характерах трёх очень разных людей.

Главные герои — офисный работник с приступами паники, бизнесмен с преувеличенной любовью к чистоте и недавно вышедшая из психиатрической лечебницы проститутка — одновременно и типичны, и индивидуальны.

Рассказ небанален, потому что именно та, которая недавно лечила свой разум, оказывается той, кто намного ближе к ответам на вопросы, мучающие остальных.

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© myFiveFrancs, 2021
© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2021
© Евгения Язвенко, дизайн обложки, 2021

Ночь

Геннадий Павлович не хотел эту женщину, которая старательно извивалась на шесте. И предыдущую он тоже не хотел, как, впрочем, и всех остальных выступавших.

— Принесите что-нибудь необычное, — попросил он официанта.

Тот протянул меню и развёл руками: мол, выбери сам.

Геннадий Павлович пробежал глазами по страницам — всё то же, что повсюду в таких заведениях.

— Что-то выбор у вас тут совсем маленький. А цены большие, — он недовольно поморщился и ещё раз лениво посмотрел на сцену.

Там всё та же старательная мадам всё так же изображала страсть. Правда, она уже сняла с себя часть безвкусного леопардового костюма, но от этого стала ещё менее интересной.

«Как ужасно она открывает рот, — думал Геннадий Павлович. Ему вдруг очень захотелось пойти умыться, но он сдержался. — Уж лучше бы она одевалась, а не раздевалась. Хоть какая-то интрига бы была... Ну,

там, в тулуп какой-нибудь укуталась, тёплые штаны нацепила, какое-никакое, а было бы разнообразие».

— А из девочек есть что-то особенное? — спросил он у официанта, всё ещё стоящего рядом.

— Сейчас приведу.

Вскоре у столика появилась рыжая, чья кожа была полностью выкрашена в зелёный цвет. Геннадий Павлович одобрительно кивнул.

Через полчаса они уже сидели у него в номере. Девушка пила шампанское, а Геннадий Павлович — в кресле напротив — молча разглядывал её. Кожа гостьи была равномерно зелёной и, судя по тому, как уверенно девушка расположилась, не оставляла следов ни на мебели, ни на ткани.

— Водой смывается?

— Нет.

— А как смывается?

— Никак, сдирать надо.

— Покажи!

Девушка замялась, видно было, что идея ей не очень нравится.

— Сдирай! — скомандовал Геннадий Павлович и положил на стол несколько купюр.

Гостья медленно оторвала тонкую полоску цветного латекса на колене.

— Везде сдирай.

Полосу за полосой девушка стала снимать зелёный блестящий материал с тела, периодически поглядывая на этого странного мужчину. Он развалился в кресле и молчал, не шевелясь, наблюдая за тем, как она один за другим скидывает на гостиничный ковёр тонкие куски латекса.

— Косметику смой! — сказал Геннадий Павлович, когда она закончила, и показал длинными пальцами на дверь ванной комнаты. И там он неотрывно смотрел, как она мыльной водой смывала тушь и помаду.

— Скажите, как вас зовут? — спросил он, когда девушка закончила вытирать лицо.

— Арина.

— Спасибо вам, Арина. Вы можете одеваться и ехать домой. Только кожу с пола соберите, пожалуйста.

— Я вам не понравилась?

— Вы очень красивая. Вы мне очень понравились. Но уже поздно, пожалуйста, поезжайте домой.

Когда недоумевающая гостья ушла, Геннадий Павлович снова сел в кресло, где наблюдал за процессом очищения.

— «И скучно и грустно, и некому руку подать», — пробормотал он. Дальнейших строк Геннадий Павлович не помнил и продолжал просто неподвижно сидеть в кресле, глядя пустыми глазами на экран неработающего телевизора.

Решил: «Потом посмотрю, что там дальше в стихотворении было. А сейчас спать».

Он открыл шкаф и из стопки белых одинаковых пижам, заботливо уложенных в багаж домработницами, вытащил одну. Перед сном он по привычке прокрутил в голове события сегодняшнего дня: аэропорт Цюриха, отель, деловая встреча. Ну, и после прогулка вместе с каким-то слишком довольным гидом и ещё одним туристом — постоянно шурящимся Кайратом.

Геннадий Павлович, конечно, предпочёл бы индивидуальную экскурсию, но дарёному от бизнес-партнёра двухдневному туру, как говорится, в зубы не смотрят. А отказываться от подарков Геннадий Павлович ой как не любил. Да и название было необычным: «Семь грехов двух городов».

«Как же гида звали? Александр, кажется. Да, точно, Александр».

Сегодня гид провёл их по всем местам, где в Цюрихе когда-то были или есть бордели, и в конце, чтобы поставить жирную точку, привёл Геннадия Павловича и Кайрата в тот клуб, который он деликатно назвал джентльменским, хотя среди посетителей там были и женщины. В клубе Александр попрощался, напомнив, что завтра в девять всем надо быть на рецепции отеля. Компания рассосалась быстро: вороньи глазки Кайрата приметили даму с большой грудью, и Геннадий Павлович вскоре остался один.

Одному быть ему было не привыкать. Ему вообще казалось, что он всегда один — и в ресторанах, и в театрах, и в офисе своей компании. Безумная, почти маниакальная страсть к чистоте сделала его владельцем успешного бизнеса, связанного с уборкой квартир и офисов, но ни деньги и ни та власть, которую они давали, никак не могли заглушить гулкого, грустного, безнадежного «ау», звучащего где-то в глубине его души.

А вот что искал тот голос внутри, какую дорогу, — было непонятно. В первый раз он услышал его заунывное пение года три назад на корпоративной вечеринке, когда его финансовый директор, уже изрядно выпивший и прижимающий к груди шляпу,

затянул в караоке: «Ау, днём и ночью счастье зову. Ау, заблудился в тёмном лесу я...»

Прицепилась тогда к нему эта песня, и никак...

«Вроде всё есть. Дети учатся в элитной школе, дом увешан портретами красавицы-жены. А всё не то... И почему не то? А где это „то“? И что это за „то“?»

Надев пижаму, Геннадий Павлович с тоской посмотрел в окно номера и вздохнул, вспомнив, как недавно к ним с друзьями приехали шестнадцать девушек. Был Новый год, они снимали шале на горнолыжном курорте... Геннадий Павлович осматривал у на всё готовых дам зубы, просил читать с выражением Бунина, но ни к одной из них по-настоящему не притронулся. Была там одна, правда, которая, читая про горловой, заунывный, безнадежно-счастливый вопль на Кавказе, ненадолго задумалась, но потом жеманно облизала губы и этим всё испортила.

Были моменты, когда Геннадию Павловичу казалось, что он нащупал дорожку из тёмного леса. Например, «ау» надолго замолкло, когда он однажды после концерта классической музыки запихнул в прозрачный благотворительный ящик у выхода из театра все наличные, что у него тогда с собой были. Девушка, собиравшая деньги, тогда как раз отвернулась, поэтому Геннадий Павлович смог избежать её удивлённого благодарного взгляда. Зато не смог избежать удивлённого взгляда своей супруги, которая таких чудачеств за ним до этого не наблюдала.

— Ты чего? — спросила она, когда они сели в машину.

— Там скрипка так играла... Я не мог не дать.

Позже этого эпизода траты на благотворительность такого эффекта не производили, пустота в душе не уходила.

«Может, потому что не от чистого сердца, с расчётом?» — предположил Геннадий Павлович и перестал давать вообще.

И ему всё чаще казалось, что всё самое интересное уже позади, что свой марафон он уже пробежал и сейчас почему-то продолжает наматывать бесцельные километры по прямой, но заброшенной дороге. Он не ждал ничего особенного ни от женщин, ни от завтрашней экскурсии, ни от жизни вообще.

«Через пару часов тот же звон будильника. Тем же движением раздвину занавески. То же лицо в зеркале. Потом буду водить щёткой по зубам и станком по подбородку, брать полотенце... Совсем тоскливо...» — думал он.

— «И скучно и грустно», — повторил он ещё раз, лёжа на диване и глядя в одну точку.

И снилось Геннадию Павловичу, как он на широкой площади играет на скрипке что-то такое заводящее, жизнерадостное, похожее на ламбаду. И рядом толпа людей, и все радостно танцуют, и один карпуз даже восторженно тянет руки к нему, к музыке.

В то время, когда Геннадий Павлович в полудрёме цитировал Лермонтова, в том же самом отеле двумя этажами выше Кайрату было очень и очень плохо. Девушка, с которой он познакомился в клубе, оказалась замужем, но была не против.

После того как они переступили порог гостиничного номера, Кайрат сразу принялся жадно обшари-

вать украденное на одну ночь у незнакомого мужчины тело, но вдруг почувствовал, что у него начало слишком часто биться сердце. Сначала он не обращал на это внимания, но потом сердце стало колотиться настолько сильно, что Кайрат испугался.

«Так, что за ерунда», — подумал он, нервно встал и начал быстро ходить из одного угла комнаты в другой, чем несказанно озадачил свою подругу.

Она в растерянности наблюдала, как этот мужчина с маленькими тёмными испуганными вороватыми глазами, часто и тяжело дыша, мечется по номеру всё быстрее и быстрее.

— Я умираю, помоги мне! — сказал он наконец и потом повторил это ещё громче. — Вызови скорую.

Девушка схватила телефон и истерически начала тыкать длинными накладными ногтями в кнопки, а потом сбивчиво что-то кому-то объясняла.

— Скоро приедут, — в итоге сказала она.

«Неужели конец? — думал он. — Так глупо, в каком-то гостиничном номере. С какой-то девкой. Я ж ещё молодой! Не хочу! Не хочу!»

И действительно, как показывают в фильмах, пролетела перед глазами вся жизнь. Быстро так пролетела, ведь ничего там особенного не было. Отец, бросивший мать и так ни разу после этого не явившийся. Мать, вечно работающая и вечно сравнивающая Кайрата то с сыном подруги, то с сыном соседки. А потом как-то сразу работа, много работы, засасывающей в свои офисные объятия и раз в год смачно целующей банковский счёт тринадцатой зарплатой. И всё. Даже собаки не было. Жена была, а вот собаки — нет.

Мысли о собаке, о жене и о том, что зря так много курил, заполнили его изнутри. Ноги тряслись, руки тряслись, воздуха не хватало, а он всё ускорял шаг, уже почти бегая по номеру от окна до дверей. Кайрат решил позвонить жене в такой далёкий от Швейцарии Казахстан, жестом показав как-то сразу побледневшей и подурневшей спутнице вести себя тихо.

— Слушай, я тут, мне кажется, умираю. Я прощаться звоню.

Пауза на другом конце телефона. Потом её вопросы, его ответы, её слёзы и его мучительные мысли о том, что вот совсем неправильно он тратил своё время последние несколько лет. Постоянная погоня за мишурой, непрерывное желание обогнать, получить больше, лучше, красивее.

Кайрат уже с нескрываемым отвращением посмотрел на девушку в номере. Зачем он её привёл?

Жена оставалась с супругом на телефоне до тех пор, пока не приехали врачи и не констатировали у Кайрата обычный и неопасный приступ панической атаки. Они дали ему успокоительное и укатали, снова оставив его наедине с замужней гостьей, которая быстро сообразила, что лучше удалиться.

Позвонив ещё раз жене и успокоив её, он внимательно стал следить за происходящим внутри его тела. Как бьётся сердце? Как дышится? На секунду показалось, что сердце опять застучало чаще, и на Кайрата накатила безумная волна страха: приступ может повториться снова. Он схватил телефон и кошелёк и ринулся в бар отеля, поближе к людям.

— Виски. Хотя нет — чаю. Зелёного. Хотя нет — ромашкового, — Кайрат сидел за барной стойкой практически не шевелясь, боялся, что любое движение может спровоцировать новую паническую атаку. Даже его глаза перестали находиться в непрерывном движении, перестали всё время что-то оценивать, ощупывать, обшаривать.

— Как дела? — попытался завязать разговор бармен.

— Ты сколько часов в день спишь? В среднем? — спросил Кайрат бармена невпопад.

— Восемь.

— А я четыре, — Кайрат с ненавистью посмотрел на дорогие часы на своём запястье. Он купил их на бонус после удачной сделки в прошлом году, тут же, в Швейцарии.

«Курить надо бросать. И работать как проклятому. А то так и в дурке закончить можно. Или в морге», — подумал он.

— Ну, я тоже иногда мало сплю, — начал оправдываться бармен.

— Да ладно тебе, — сказал Кайрат и отвёл глаза.

Бармен таких вот уставших с дорогими часами видел достаточно часто.

— Может, всё-таки виски? — спросил он.

Кайрат виски не хотел. Он долго сидел в баре, боясь возвращаться в пустой номер. Затем, всё-таки вернувшись, сначала долго ворочался на большой холодной кровати с подушками, отдающими больничной белизной, а потом вышел на балкон и щёлкнул зажигалкой.

«Начальник, скотина, уже два месяца назад курить бросил. Ходит с порозовевшими щеками. И же на его каждый год рожают как кошка, — вспомнил он и недовольно поджал губы. — Интересно, когда же, наконец, настанет тот день, когда все в офисе будут собирать деньги этому бездарю на прощальный подарок?»

Кайрат очень давно целенаправленно раскачивал кресло под своим шефом. Не грубо, не в открытую, а тонко, аккуратно. То там что-то якобы невзначай обронит, то тут кого-то похвалит. Кресло начальника уже шаталось, но вот желанного грохота Кайрат всё никак дождаться не мог.

Перед отъездом в отпуск он ходил на обед с помощницей генерального директора, где сначала отвесил ей комплиментов, а потом попытался внушить нужные мысли.

— Вот у тебя бывало так, что ты встречала ну очень одарённых и умных людей? — спрашивал Кайрат у неё, выделяя голосом слово «очень» и показывая жестом на себя. — Представляешь, я недавно видел на улице бомжа, так похожего на моего начальника! — продолжал он.

Девушка даже и не подозревала, сколько литературы по психологии Кайрат перечитал. Она просто наслаждалась устрицами и галантным собеседником, который с каждой минутой казался ей всё приятнее и приятнее.

Перед тем как сесть в самолёт, Кайрат ещё раз с надеждой проверил корпоративную почту. Долгожданных новостей не было.

Кайрат докурил и осмотрел с балкона гостиницу.

«Я бы в том баре интерьер полностью поменял», — подумал он и вдруг очень живо представил, как этот отель в результате махинаций переходит в его собственность и как он, сидя на том же стуле в баре, даёт дизайнеру указания обустроить всё здесь по высшему классу.

Кайрат уже забыл и о недавнем приступе панической атаки, и о том, что буквально несколько часов назад у него в номере было полно врачей. Его тёмные вороньи глаза вновь забегали, пальчики начали нетерпеливо постукивать по рукоятке кресла.

Вдоволь намечтавшись, он вернулся в комнату и уснул, широко раскинув длинные руки и ноги.

Утро

Саша Свистунов работал гидом уже много лет.

Вчерашние туристы ничем особенным не отличались. Видно — оба обеспеченные, но такие в Швейцарию приезжают часто.

Оба с дорогими часами, только один на них часто смотрел, а второй при любой возможности демонстративно показывал. Тот, который смотрел, посOLIDнее был. Говорил мало, но по делу. Глаза у него ещё такие, чистые и светлые. Второй — скользкий какой-то, головой всё время крутил, да и взгляд — будто что-то украсть хочет.

Саша стоял в холле отеля и ждал этих двоих. Сегодня они должны были ехать на экскурсию в другой город. Первым подошёл тот, что посOLIDнее, Геннадий Павлович.

— Доброе утро, Александр, — сказал он бодрым голосом.

— Доброе, — Саша не стал спрашивать, как прошёл вчерашний вечер, но про себя отметил, что по сравнению с другими туристами, которых он встречал после экскурсии по борделям Цюриха, Ген-

надий Павлович выглядел на редкость свежо. — Хорошо выглядите. Вы уже позавтракали?

Геннадий Павлович не стал рассказывать, что встал в пять утра, успел не только позавтракать, но и почитать, позаниматься спортом и прогуляться. Он кивнул, продолжая цепко держать лямку своего рюкзака, и сказал:

— Жаль, в ресторане фруктов мало было, я фрукты люблю. Да и вообще всё здесь такое, без размаха. Спортзал маленький, в бассейне не развернуться, обслуживающего персонала почти нет.

В этот момент появился Кайрат.

— Всем привет, — он быстро огляделся. — Какой план?

Кайрат сегодня уже видел Геннадия Павловича в спортивном зале. Пока Кайрат убивался на беговой дорожке, тот организовал себе личного тренера и потом, судя по всему, пошёл на массаж и в сауну.

Кайрат же решил после вчерашнего приступа панической атаки активно заняться спортом, поэтому на массаж не пошёл, а вместо этого не жалел своего тела на тренажёрах.

«Беги, тюфяк, беги, курить бросить не можешь, так хотя бы десять километров пробеги», — думал он про себя, постоянно сравнивая себя с другими людьми на дорожке.

Геннадия Павловича он почему-то именно там, в спортзале, примерно на восьмой минуте бега вдруг очень сильно невзлюбил. Он ещё до конца не понимал почему. То ли его бесило, что Геннадий Павлович не обращал на других, в том числе

и на Кайрата, вообще никакого внимания, то ли его раздражала его медлительность.

«Казнить таких надо, — думал Кайрат, наблюдая, как его вчерашний спутник, как престарелый ленивец, без спешки, шагает по беговой дорожке. — Место только занимают».

— Какой план? — повторил вопрос Кайрата Саша. — Сейчас поедем на экскурсию. Машина уже ждёт.

Геннадий Павлович, садясь в автомобиль, одобрительно кивнул и довольно вытянул ноги.

— Много места, хорошо. Журналов много. Телевизор есть. Даже шахматы имеются. Мне нравится.

Кайрат поджал губы, потому что Геннадий Павлович зашёл в машину первым и мог выбирать, в какое из двух кресел он сядет — в левое или в правое. У Кайрата предпочтений на этот счёт не было никаких, он просто не любил, не переносил быть вторым даже в таких мелочах.

— Вы в шахматы играете? — устроившись справа, спросил он, нарочито широко расставляя ноги.

— У меня дома много книг по шахматам. Да и самих шахмат тоже много: и резные, и из слоновой кости, и из стекла. Но играю я очень редко: времени мало. Да и неинтересно мне это, — Геннадий Павлович педантично поправил стопку журналов и с тоской посмотрел в окно. — Мне кажется, все самые интересные партии уже давным-давно сыграны.

Болотная тоска опять накатила на Геннадия Павловича. Ну и зачем он поехал на эту экскурсию? Вон, всё те же дома, всё те же машины, всё те же люди. Вот, например, этот мужчина справа. Таких же мил-

лионы: крутят головой, всё время что-то высматривают, оценивают. Сколько он таких Кайратов уже знает, сколько ещё узнает...

— А вы? — спросил Геннадий Павлович, обращаясь и к Кайрату, и к гиду Саше, который сидел напротив них в салоне минивэна.

— Я — да. Но тоже редко. У меня тоже времени в обрез, — поспешил ответить Кайрат.

— А я часто играю, — влез Саша и начал жужжать про почти выигранный турнир в Чехии, про почти полную полку кубков дома, про три, нет, пять, партий, которые напечатали в журнале местного клуба и потом много раз перепечатавали ещё где-то там. Потом Саша плавно перешёл на тему спорта в Швейцарии, и после того, как он перескочил на одного известного теннисиста, его было уже не остановить. Надо отдать должное, рассказывать Саша умел интересно. Привирал, конечно, но зато как мастерски!

Кайрат слушал, периодически проверяя корпоративную почту, где по-прежнему ничего интересного не находил.

«Вот бы у меня язык так подвешен был!» — думал Кайрат, чувствуя, как медленно на задних лапах подкрадывается желание выкурить сигарету.

Он покосился на спокойно развалившегося в кресле Геннадия Павловича и на энергично жестикулирующего Сашу.

— Сколько нам ещё ехать? — перебил он гида.

Тот мельком посмотрел в окно, что-то быстро прикинул и ответил:

— Минут десять.

Кайрат вздохнул. Столько он выдержит.

День

— Так, секундочку, я тут воды глотну. Рассказ-то долгий предстоит.

Перед Кайратом и Геннадием Павловичем стоял некто с длинной седой бородой и усами, чьи глаза полностью закрывал накиннутый на голову коричневый капюшон. Этот некто попросил их поддержать посох, достал из перекинутой через плечо сумки кожаную потёртую флягу и, сделав несколько глотков, неторопливо положил её обратно.

Они стояли втроем на центральной улице старого города. Саша, после того как они приехали и Кайрат выкурил долгожданную сигарету, оставил их с этим странно одетым, странно пахнущим человеком, сказав, что экскурсию здесь им будет проводить именно он.

— Берн меня зовут. Город я, — начал тот хриплым голосом.

«Гид-актёр», — догадался Геннадий Павлович и оживился. Такого он ещё не видел.

— Сколько же мне, погодите? — поглаживая бороду, продолжал хрипеть то ли город, то ли гид. —

Уже более восьмисот? Мдаа... Старый ли я? Ну нет, я себя в старики пока не записываю.

Он откинул капюшон, показав ещё кое-где не поседевшие брови и глубокие волнистые морщины на лбу.

— Вон, Москве примерно столько же, но ведь красавица же, прямо невеста. Киев вообще по сравнению со мной дед — он почти в два раза старше... Страшно подумать... Да, я цифры люблю. Мы в Швейцарии тут вообще считать любим.

Так, о чём это я? Ах да, о себе...

Родители... Только отца помню. Бертольдом звали. Умер, когда я совсем маленький был. Потом как-то сам рос. Чума ко мне одиннадцать раз случалась. В первый раз в четырнадцатом веке, мне ещё тогда и двухсот лет не было. Потом в пожар я попал, обгорел сильно. Но быстро оправился. Что ещё интересного было? Ну, лет через сто после пожара протестантизм принял. Но я, наверное, об этом позже расскажу, если не возражаете. А сейчас пойдёмте, я вам свои владения покажу.

Старик, шаркая сапогами, двинулся вперёд, и Кайрат с Геннадием Павловичем послушно последовали за ним.

Довольно скоро они остановились у фонтана со статуей женщины в синем платье, возвышающейся на пьедестале. Женщина держала в руках кувшин, из которого лила воду в какую-то миску.

— Эта статуя умеренность символизирует, — продолжал старик. — В Древней Греции пить чистое вино расточительством считали. Его там водой разбавляли. Женщина, которую вы видите, как раз этим

и занимается. Иногда умеренность ещё с удилами изображают. Разные аллегии бывают... Но тут скульптор воду и вино выбрал. Нравится? — спросил он у Кайрата и Геннадия Павловича, показывая посохом в сторону фонтана.

«Вот, старикан, лезет с вопросами. Рассказывал бы лучше дальше!» — подумал Кайрат и быстрее, чтобы его не опередили, выпалил своё: «Я бы не отказался от такого фонтанчика!»

Геннадий Павлович, напротив, разглядывая кое-где потемневшие от времени и поэтому кажущиеся грязными камни, отрицательно покачал головой:

— Ну что такое один фонтан? И как можно разбавлять вино, оно ж тогда будет невкусным!

— А вы пробовали? — поинтересовался старик.

Конечно, Геннадий Павлович, не пробовал. Он очень живо представил, как достаёт из закровов пыльную бутылочку какого-нибудь Шато Лафит, уже грешит, переливая его в декантер, и потом уже под изумлённые взгляды гостей выливает туда пол-литра Эвиана.

Возникла пауза, которую прервал хриплый голос:

— Так, о чём это я? Ах да, о фонтане... За несколько лет до того, как он тут появился, я в протестантизм перешёл. Я тогда все внешние атрибуты веры от себя отбросил. Ну, иконы, колокола, свечи, алтари, статуи, картины. И меня часто спрашивают, почему после того, как в церквях все статуи уничтожены были, — вдруг в этом месте ни с того ни с сего этот фонтан с фигурой женщины появился?

Ну вот, представьте: человек к фонтану за водой подходит, на статую смотрит и про умеренность

вспоминает. В воспитательных целях он тут поставлен был... Телевизора же тогда не было. А проституция, например, была. Как же по-другому напоминать про то, что человек хозяином своих чувств и желаний быть должен? Только так...

Первый дом терпимости здесь ещё до того, как я этот фонтан установил, на Луковом переулке появился. Хотя своим телом и мужчины, и женщины здесь и ранее торговали. Некоторые, которые пошевле, клиентов прямо на улицах ловили: стояли с ключом в руках, показывая, что у них есть комната, где уединиться. Были и красотки у театров, и девочки в банях — всё было.

А когда я протестантизм принял, то все такие дома позакрывал, всех продажных женщин из города выгнал. Но они скоро снова появились. Не помогла статуя.

Вот, например, в этом доме, — старик показал на первый этаж, — жена верстальщика с согласия мужа мужчин за плату принимала. Тут, — старик поднял руку выше, — учитель с сестрой жены изменял. А там, — показал он на самый верхний этаж, — дочка почтальона себя одному очень влиятельному господину навещать позволяла.

Веками я наблюдаю, как человек схватки со своими желаниями проигрывает. Веками.

Там, дальше, кстати, другие фонтаны стоят — со статуями мужества, мудрости и справедливости. Все главные добродетели поставил. Я вам их позже покажу. А сейчас давайте к моему самому любимому месту пройдем. Тут недалеко терраса есть. Оттуда неплохой вид открывается. Хорошо там, спокойно.

Горы всегда манили Геннадия Павловича. А вершины этих, на которые он смотрел сейчас с террасы, куда привёл их старик, были к тому же такими чистыми и белоснежными, что он просто замер от удовольствия.

«Такие же одинокие», — подумал он вдруг.

Кайрат же, уже в который раз проверивший почту, сидел на скамейке беспокойно и на горы не смотрел. Он вертел длинной шеей, пристально замераля глазами неспешно прогуливающихся вокруг швейцарцев.

«Вот тюлени», — подумал он, внезапно увидев, как орава детей столпилась у большого чёрного лабрадора и по очереди обнимала его за шею, и прикрыл глаза. Ему, Кайрату, собаку так и не подарили ни на седьмой, ни на восьмой, ни на девятый день рождения, а потом он просто перестал просить, покорно принимая от матери подарки, которые, как она считала, помогут сыну «стать не хуже других». Вот он вроде и стал не хуже, все его соседи и одноклассники — никто не добился большего. А что толку? Ну сидит он в таких модных блестящих ботинках в красивом месте. А где же праздник?

— Красиво, вы не находите? — спросил старик.

Кайрат поднял глаза.

— Да, местечко неплохое, почти вне конкуренции, — ответил он.

«Всегда будет что-то лучше. Всегда будет за чем гнаться», — подумал Кайрат, разглядывая горы.

— Чистая правда, — согласился Геннадий Павлович.

Потом старик полтора часа водил их по всему городу, рассказывая о других фонтанах и о других достопримечательностях. Экскурсия закончилась у ресторана, где их встретил Саша, чья довольная физиономия почему-то вызвала у Кайрата на секунду приступ ярости: «Как дал бы. Чтобы у него все зубы повывлетали!»

— А что это вы, Александр, всё время улыбае-тесь? — не сдержался он.

— А чего мне не улыбаться, — развёл Саша рука-ми. — Здоров, сыт, любим. Хотя нет, чувство голода потихоньку начинает подкрадываться. Предлагаю пообедать. Только после обеда кофе не заказываем, его мы будем пить в другом месте.

«Другим местом» оказалась часовая мастерская, занимавшая весь первый этаж дома неподалёку. Там их встретил уже полысевший дядька с ещё акульей улыбкой и два его уже бородатых сына, оба унасле-довавшие от отца не только хищный оскал, но и практически все черты лица. В мастерской, судя по всему, поработал хороший дизайнер, который постарался создать атмосферу непринуждённости. Поставил прямо внутри ателье два велосипеда, при-слонил к стенам огромные картины, навёл на полках аккуратный хаос, а в самом центре расположил огромный деревянный стол с нависшей над ним на тонких нитках продолговатой лампой.

Кайрат, Геннадий Павлович и Саша сидели на ла-вочке с одной стороны стола. Напротив размести-лась семья с акульими улыбками. Пахло кофе.

Главная акула оказался бывшим банкиром, кото-рый после очередного экономического кризиса ре-

шил сменить сумасшедший ритм жизни в Нью-Йорке на размеренный стук собираемых им часов в одном из самых неторопливых городов Швейцарии.

— Переквалифицировался и очень счастлив, — сказал он. — Жена моя — художница. Сыновья вон, тоже в часовщики подались. Сами проектируем, сами собираем, сами продаём. И вам сейчас покажем, как это делается.

Следующие три часа с периодическими перерывами на то, чтобы сделать очередной эспрессо, они провели, слушая, глядя, задавая вопросы, смеясь, аккуратно беря пинцетом, роняя, поднимая, прикручивая.

Кайрат собрал часы первым и победоносно огляделся вокруг. Но наткнулся только на глаза часовщика, смотревшего на него с почти отцовским сожалением, от которого ему, сорокалетнему успешному юристу, выросшему только с матерью, вдруг захотелось заплакать.

Грязное, слизкое, чёрное поползло изнутри. Тик.
Грязное, чёрное поднялось до уровня шеи. Так.
Грязное сейчас польётся изо рта. Тик.

— Скотина, скотина, скотина, — прошептал Кайрат. Так.

Грязное поднялось до уровня глаз. Тик.

«Только не заплачь тут, придурок», — подумал Кайрат. Так.

— Кто скотина? — услышал он голос Геннадия Павловича. Тик.

— Да так, — отмахнулся Кайрат, не поднимая глаз. — Просто вспомнил, не обращайтесь внимания.

А стрелки бежали.

Так быстро. Тикали. Такали. Тихонько так отсекали по маленькой частичке его жизни. Тактично напоминали, что он не вечен. Тусклей, трусливей, тягостней становилось на душе у него от каждой судороги на циферблате.

— Я курить, — Кайрат быстро встал и вышел на улицу.

«Вернусь домой, собаку заведу, — решил он, затянувшись сигаретой. — Лабрадора. Чёрного».

И то ли никотин, то ли это решение заставило грязное и слизкое внутри Кайрата резко уменьшиться в размерах, сжаться, скрючиться. Докурив, он спокойно вернулся за стол.

Геннадий Павлович немного расстроился, что собранные им часы забрать с собой можно было только за дополнительную плату, но послушно достал из портмоне длинными цепкими пальцами необходимую сумму денег.

В Цюрих возвращались под рассказы Саши о часовой индустрии, о самых дорогих часах, о том, кто из известных людей что носит.

Когда машина уже почти доехала до отеля, Кайрат, в очередной раз проверив почту, трясущимся от волнения и радости голосом перебил гида:

— Ребята, едем в ресторан. Меня только что повысили.

Вечер

Праздничный ужин прошёл не празднично. Не спасли ни несколько бутылок дорогого шампанского, ни маринованный лобстер с дыней, ни мишленовские звёзды ресторана, столик в котором очень быстро через какие-то только ему известные каналы организовал Саша.

Кайрат чувствовал себя как человек, который пробежал марафон, а на финише вместо ликующей толпы — два инопланетянина, которые вообще не знают, что такое соревнования.

— Сорок лет, а сколько достиг! — говорил он и видел по глазам обоих спутников, что ни один и ни второй должность заместителя генерального директора таким уж прямо большим достижением не считают.

«Дураки! — думал он. — Вообще ничего не понимают».

Саша понимал только то, что Кайрат теперь будет получать зарплату побольше.

Геннадий Павлович понимал всё. И то, что Кайрат наверняка приложил немало усилий к тому, чтобы сейчас распивать шампанское. И то, что пара

людей наверняка уже сейчас думают, как спихнуть новоиспечённого заместителя с тёплого места. И то, что ему, Геннадию Павловичу, в данный момент просто неимоверно скучно. Лобстеры, бокалы, скатерти, полуобнажённые спины в зеркалах. Всё уже столько раз было... Он начал рассматривать людей за соседними столиками.

«Эти уже не спят вместе. Эти ещё не спят вместе. А этот просто счастлив быть рядом», — его глаза остановились на уже облысевшем мужчине с большими ушами, неотрывно смотревшем на хрупкую девушку напротив. Тростиночка и баобаба. Тростиночка была в зелёном платье.

«Интересно, Арина сегодня тоже покрасила кожу в зелёный цвет?» — подумал вдруг Геннадий Павлович.

Когда принесли счёт, Кайрат вдруг не смог найти кошелёк.

— Потерял. Или украли, — его вороватые чёрные глазки беспомощно забегали.

Геннадий Павлович великодушно заплатил за ужин. Вернувшись в отель, он умылся и сел в то кресло, откуда вчера смотрел на снимающую с себя кожу девушку. Просидев так минут пять, вдруг решительно встал и спустился вниз.

Через час Арина сидела у него в номере.

— Рассказывай, — сказал Геннадий Павлович.

— Что рассказывать?

Вместо ответа он демонстративно развалился в кресле, закинув руки за голову.

— Что, сказки, как Шахерезада? — переспросила она.

— Нет, я сказки не люблю. Я стихи люблю.

Арина какое-то время смотрела не мигая. Потом бесшумно и плавно обошла разделяющий их столик. Геннадий Павлович внимательно следил за каждым её движением.

— И снова оно... Привет... Непокойное... Жаркое... — девушка осторожно села сверху и холодными пальцами стала методично расстёгивать пуговицы его льняной рубашки. А под ней — начинающая сесть широкая грудь да мягкий бледный живот. Честный такой живот.

— И снова оно... Опять... Ползёт... Вязкое... Сладкое... — продолжала шептать Арина, распуская волнистые волосы и скидывая на пол это ужасное платье с блёстками.

На Геннадия Павловича повеяло ароматом то ли абсента, то ли духов с полынью. Почему-то вспомнились студенческие годы, когда на подработке пообещали заплатить и не заплатили. А затем следом в памяти всплыла та, что сначала говорила, что любит, а потом забеременела от другого и, уходя, оставила ему в квартире только сковородку и кактус.

— И снова оно... Уйди... Незаконное... Пошлкое... — Арина притянула его к себе, обвила, окольцевала, и вот не две, а только одна тень на стене, пока неподвижная, целомудренная.

Геннадий Павлович закрыл глаза, дотрагиваясь ладонями до её гладкой спины. И не секс в голове, не страсть, а недавняя поездка в Таиланд, духота и невкусное, отдающее болотом крокодилье мясо.

— Хотя нет, подойди... Развратная кошка я... —

девушка по-змеиному прошипела, немного отодвинулась и застыла, будто жалить готовилась.

Тонкие руки Арины медленно заскользили к ремню на его брюках.

Он окинул взглядом её искусно сделанную грудь, равномерно поджаренную в солярии кожу, выкрашенные в неестественно яркий рыжий цвет волосы и мягко остановил всё это — жестом попросил её вернуться в кресло.

— Окей, значит, поговорить хочешь... Хорошо, давай поговорим, — она ловким движением налила себе полный бокал и снова внимательно посмотрела на своего не очень разговорчивого собеседника. — Я недавно из психиатрической лечебницы вышла.

Геннадий Павлович молчал.

— А ты смелый. Не испугался. Не боись, не опасная я. Депрессия у меня была, — девушка громкими глотками осушила бокал.

— Я тогда не то что в душ сходить — с кровати встать не могла. Да что там с кровати — я руку еле поднимала. Лежала, смотрела в одну точку. Такая пустота внутри была, как будто кто-то всё счастье, всю радость высосал. А ещё казалось, что всё интересное уже позади, что я наматываю никому не нужные круги вокруг вонючего заброшенного стадиона.

Геннадий Павлович резко опустил глаза и начал собирать со штанов невидимые ворсинки.

А девушка продолжала:

— Одно и то же кофе по утрам. Та же зубная паста. Тем же движением снимаю волосы с расчёски. Тем же движением собираю волосы в хвост. И в один совсем не прекрасный день мысль — зачем расчёсы-

ваться, если волосы потом всё равно спутаются? Зачем зубы чистить, вставать зачем? А всё из-за него. Я с ним треть жизни прожила. Хорошо, мама тогда после того, как мы разошлись, приехала. Посмотрела на меня, за голову схватилась, врача вызвала. Сейчас всё хорошо, таблетки пью. Вроде помогает. А работаю я там уже давно. Только когда замужем была — просто танцевала. А теперь иногда и в номерах шампанское пью.

Арина замолчала.

— А мечтаешь о чём? — спросил Геннадий Павлович.

Девушка пожала плечами:

— Раньше я квартиру хотела, как у подруги, такую большую с огромным балконом. Ещё славы хотела, ну, не знаю, ездить там, с шоу выступать. А теперь мне кажется, что фигня это всё. Вот сдохну я, и на что мне та квартира или статейки в журналах? Поэтому мечтаю просто нормального мужика найти. Чтобы любил. Чтобы хотелось домой возвращаться. А там дальше видно будет. А ты?

— А я... Не знаю... У меня всё есть...

— Всё?

Геннадий Павлович пожал плечами.

— Времени только мало...

— Сегодня со мной в поезде мужик сидел, на тебя немного похожий. Тоже около сорока ему, глаза такие же светлые и грустные. Ну так вот, сидел, решал sudoku. Блин, уже полжизни прожил, вроде уже должен был понять, что времени, после того как поспит и поработает, по большому счету остаётся очень и очень мало. И несмотря на это, он не придумал

ничего лучшего, чем решать sudoku... Сидел такой с белым воротничком, торчащим из-под свитера, типа принарядился, типа хоть снаружи пусть будет немного весело и нарядно. Часто вставал, показывая нам блестящий логотип дорогих джинсов. Сэндвич жевал. Тихо так жевал, не чавкал, культурный попался. Знаем мы таких культурных, с белыми воротничками, видали... Так и хотелось подойти к нему и сказать: «Выкинь своё sudoku».

— И что дальше?

— Ну это уж не мне решать, ему виднее.

Геннадия Павловичу в ту ночь опять снилось, как он играет на скрипке, в этот раз что-то медленное, надрывное, обжигающее душу. И после его выступления огромный прозрачный благотворительный ящик — почти полный, и даже маленькая девочка бросает туда горсть монеток.

myFiveFrancs

Тик-так

Редактор Ольга Рыбина
Корректор Оксана Сизова
Иллюстратор Марина Шатуленко
Дизайнер обложки Евгения Язвенко

Дорогие читатели!

Я не беру деньги за книги, вместо этого прошу тратить их на благотворительность или делать добро любым другим способом.

Также буду благодарна за отзыв на [сайте книги](#).

Спасибо!
myFiveFrancs